

ВЛАДИМИР МАТВЕЕВ
«ГДЕ ВИДИМОСТЬ? ГДЕ СУТЬ?»

[Рецензия на книгу лирики М. Небогатова «Земной поклон». – Кемерово, 1976] // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1977. – № 3. – С. 95-101.

Имя этого человека хорошо известно любителям поэзии, оно прочно и навсегда связано с литературой земли Кузнецкой, с её творческим началом. Вот уже более четверти века работает профессионально кузбасский поэт Михаил Небогатов. Автор многих сборников стихов, он недавно предстал перед читателями наиболее полно и многогранно. Книга лирики «Земной поклон» (Кемерово, 1976) г. – итог долголетних творческих поисков автора, а в чём-то главном – и начало его подлинной зрелости и мастерства.

Сборнику предшествует многообещающий эпиграф:

О чём не подумал,
про то не расскажешь,
О чём не поплакал,
про то не споёшь.

О чём же подумалось за эти годы? О чём «поплакалось»? О многом. Тематический диапазон книжки широк: память военных лет и философско-бытовые раздумья о жизни, любовная лирика и стихи о природе родного края, о красоте истинной и мнимой, о мудрости народных примет, о муках слова... Это, конечно, далеко не всё, что лежит в основе композиционного построения последнего сборника и, значит, особенно дорого Небогатову.

Идя вслед за ним, попытаемся проникнуть в творческую лабораторию лирика, заметить то ценное, чем он нас порадовал, и объективно, не ущемляя авторского самолюбия, разобраться в отдельных огрехах. Без них, увы, не обходятся даже «маститые». Всё познаётся в сравнении. Если, к примеру, в пределах единого по замыслу цикла рядом с самобытными соседствуют рядовые стихи и даже посредственные, то читатель вправе предъявить поэту счёт за эмоционально-смысловую «недогрузку»: можешь быть щедрее – так не скупись.

Важно знать, о чём пишешь. Ещё важнее – как, в какую форму отливаешь пережитое и к какому читателю адресуешься. Это – аксиомы, и всё-таки не лишне о них вспомнить. Анализируя «Земной поклон», нельзя не коснуться хотя бы в общих чертах некоторых поэтических традиций: сложности и простоты воплощения замысла, непосредственности и ложной многозначительности, народно-поэтических истоков и чисто «книжной» основы. В этом нам первый помощник – сам автор, посвятивший вечно злободневным проблемам не одно любопытное лирическое откровение.

«Пусть по земле родимой русской
Война не ходит никогда...»

Участник Великой Отечественной войны, Михаил Небогатов ценой причастности к её боевым будням, ценой потери собственного здоровья заслужил право говорить о ней суровую и такую нужную людям правду. Всего двенадцать строк в стихотворении, открывающем книжку, но они стоят иной поэмы. Ни одной громкой интонации, а сколько тут настоящей гражданственности, человечности, достоверности! Вот где душа воина и поэта слились воедино и так торжественно-просто воскресили в памяти героическое прошлое:

Он с фотографии смеётся,
Такой счастливый, молодой...
А в поле, где позёмка вьётся,
Над ним – лишь столбик со звездой.
И ничего здесь не поправить...
Он был ровесником моим.
Но не могу никак представить
Его и старым, и седым.
Глядеть на снимок – сердцу больно,
В нём – острой горечи комок.
И вопреки всему невольно
С губ так и просится: – Сынок...

Нет, не «порвалась связь времён». Чем дальше события тех лет, тем они ближе, тем пристальней к ним внимание. Живя как бы сразу в двух временных измерениях, поэт-очевидец имеет возможность утверждать без декларации, пробуждать в современном поколении патриотические чувства, не прибегая к ложной патетике:

Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.
Кругом движенье, гул, моторов вой,
А он у дома – всеми позабытый...
...Поздней я видел многих вечный сон,
А этот всех живее в страшной были.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли.

В небогатовской поэтохронике военных лет нет домысла, он здесь неуместен. Факты личной биографии солдата неожиданно вырастают до исторической значимости.

Вот бывший воин (в данном случае это не обязательно сам автор) как-то прочитал мемуары генерала, в которых рассказывалось о штурме одной высоты. Боец был тогда тяжело ранен, выбыл из строя и лишь недавно узнал из тех же мемуаров, что «под вечер наши заняли село». Вроде обычный штрих, а смысл в этом запоздалом узнавании большой. Сколько таких «безымянных» высот брали «безымянные» солдаты, заботясь не о личной славе, а прежде всего, о свободе и независимости матери-родины.

В стихотворении «Фронтальная дружба» примечателен смысловой внутренний параллелизм. Запечатлев эпизод из воздушного боя, в котором лётчик, рискуя жизнью, спас товарища от гибели, поэт сожалеет о том, что в мирные дни мы порой забываем о взаимовыручке, чувстве локтя, хотя опасности и теперь встречаются:

...И в мирный день сбивают нас
То равнодушие, то обиды.
Так мы беспомощны подчас,
Хоть повидали в жизни виды!
Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,
Великой дружбы фронтовой,
Не словом выверенной –
Делом!

Доказательством того, что и благородная героическая тема оставляет читателя равнодушным, если не найдено своего решения, может служить рассуждение о ветеранах войны, помещённое на двадцать восьмой странице книжки. Это всего-навсего рифмованная проза, послужной список боевых заслуг бывших воинов. Один отличился «в бою под Сталинградом», другой – «в снежном Подмоскowie крушил эсэсовцев в упор», «а вон тот, с ногой, скрипящей странно, «Юнкерса» таранил под Орлом»... Положение могла бы поправить концовка, но она неинтересно венчает этот скучный перечень: «Всем вам, боевые ветераны, мы поклон свой низкий отдаём». «Да, это так, – согласится читатель, – но мы имеем дело не с автором заурядной газетной передовицы, а с лириком, завоевавшим, судя по лучшим вещам, право на столь высокое звание».

Снижает целостное художественное звучание, в общем-то, добротного военного цикла восьмистишие о тех, «которые погибли на войне». Оно завершается традиционным обращением к совести каждого, обращением справедливым и острым по сути, но сказанным энергичнее и гораздо раньше тем же Робертом Рождественским. Сравните:

Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всём?
(М. Небогатов)

Памяти павших
будьте достойны!
Будьте достойны!
(Р. Рождественский)

Эти досадные спады объяснимы скорее всего потерей в поэте на время внутреннего редакторского чутья. В творческом багаже Небогатова нашлась бы достойная замена этим явно неудавшимся стихам.

«Что значит этот день, Что есть добро и зло?»

Причастность к родной земле, её людям, традициям – тот источник, который питает творческое воображение лирика. С годами это сознаётся особенно остро, и хочется запечатлеть словом самое сокровенное и дорогое. Оно в памяти полуголодного детства, в последней встрече с мамой, в родных просёлках, в бескорыстной доброте простого русского человека, в откровенной улыбке соседки, в приветливом оконном огоньке, подавшем надежду усталому путнику, во всём, что так привычно, чем мы живём и дышим. Под пером Небогатова привычное, обыденное в лучших стихах предстаёт полным значения, одухотворённости, достойно внимания и интереса. И вроде нет большого творческого открытия, а читаешь с волнением, угадываешь чисто небогатовские негромкие интонации, пересматриваешь много раз виденное и слышанное под новым углом зрения.

Заметно тяготение поэта к деревенской тематике, о городе он пишет значительно меньше. В этом сказывается не боязнь «урбанизации», а скорее желание найти первоисточки, объяснить всё первоначалом, чтобы городской житель не забывал о том, что под асфальтом земля:

Большая радость – пронести
Сквозь все заботы и тревоги
Любовь к отцовскому пути,
К простой просёлочной дороге.
...Отсюда ввысь
И вдаль, вперёд
Пошли все наши магистрали.

«Родные просёлки»

Трогательен сохранившийся в некоторых русских сёлах обычай первыми здороваться с совершенно незнакомым человеком, приветствовать его лёгким поклоном. В городе такого «приветчика» приняли бы за чудака, а обычай-то не так прост, с глубинным смыслом:

Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой –
Душа российского народа,
Его характер золотой.

«Русский поклон»

Философские этюды автора, его размышления о быстротечности времени, о желании оставить свой след на земле, о трудной любви к людям окрашены элегическим настроением грусти:

Зори вёсен со мною,
Просыпаюсь – смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.

Это меньше всего похоже на гимн безнадежности или безысходности: поэт верит в вечную «силу жизни», в обновление, в мудрую закономерность бытия:

За даль берёз и сосен
В сырой ноябрьский час
Не просто скрылась осень,
А что-то скрылось в нас.
...Не просто наступила
Зима, свежа, светла,
А что-то жизни сила
В нас новое внесла.

Щемяще-нежно сказано о бесконечно близком и навсегда незабвенном:

Вот дом. Крыльцо.
Окно с поблёкшей рамой...
В последний раз я виделся тут с мамой.
Уже моя в сединах голова...
Ах, как мертвы, никчёмны все слова!..

Такие строки рождаются в минуты душевной наполненности, ясности мысли, доброго творческого настроения. А когда этого нет, появляются однообразные прописи-повторы о том, что «жизнь на земле всеильна», что «всё-таки жизнь впереди», что «была бы цель – преграды нипочём», что надо трудиться и всю душу вкладывать в дело. Стоит исчезнуть Небогатову-лирику, как тотчас сменяет его Небогатов-моралист, декларирующий понятия, известные и школьникам начальных классов. Похоже – заговорил другой автор, узко и утилитарно представляющий свои творческие задачи. Диву даёшься, как порой совмещает поэт в себе, казалось бы, несовместимое. Дьявольски трудно постоянно держать свой поэтический «аппарат» на творческом «взводе», но иначе для пишущего нельзя.

Известно, что Михаил Небогатов охотно и часто выступает в прессе с откликами-однодневками на текущие события. Дело это важное и нужное, но создаётся впечатление, что какие-то из однодневок проникают потом в сборники, где место стихам лишь по самому требовательному счёту и вкусу.

**«Ты – моя боль и награда,
Ты – моя совесть и честь»**

Поэтический мир Небогатова тяготеет к свету, гармонии, красоте, естествену. Это особенно отчётливо прослеживается в любовном цикле стихов, который воспринимаешь как благодарность судьбе за счастье, обретённое в образе земной, реальной женщины. Драматические нотки звучат приглушённо и выглядят случайными временными тучками на чистом и ясном небосклоне счастья:

И сколько солнца среди зимы,
И счастья сколько!..
А и не виделись-то мы
С утра лишь только.

«Хорошая», «славная», «милая», «любимая», «светлая и нежная», «солнышко ясное», «единственная» – в небогатовском контексте эти и другие «запетые» эпитеты, сравнения, метафоры часто свежи, правомерны. Они в ключе народно-песенного склада его лирических миниатюр, согреты изнутри теплом застенчивого целомудренного интима. У поэта иного мироощущения подобный словесный арсенал обернулся бы грубейшим баналом.

Не касаясь противоречивых жизненных коллизий любви, автор берёт её мажорную сторону и как бы стоит на одном – цените то, что вам дано, оберегайте, не пытайтесь объяснить холодным рассудком, почему это так, а не иначе:

Хорошей, славной называю.
А разобраться, почему,
За что люблю тебя, не знаю.
Чем дорога ты? Не пойму.
Но будь в тумане мир, будь в звёздах,
Ты – вечной радости родник...
Не объяснить, чем дорог воздух,
Которым дышишь каждый миг.

По заслугам воздано бескорыстной и щедрой женской душе:

О, женская душа!
О, вечная забота –
Теплом, добром дыша,
Любить, жалеть кого-то.

По-юношески восторженно пишет поэт о любви зрелой, проверенной годами. Имя любимой для него вечно ново, и он никогда не устанет повторять «светлое и нежное: Мария». Мудрая житейская суть заложена в замысле стихотворения «Свет в окне». Здесь нет признаний в «вечном чувстве», вздохов о единственной, зато есть роднящий образ «милого тёплого света» – света твоего очага, твоей родины. Тема любви раскрыта гражданственно на, казалось бы, обыденном факте, далека от келейно-интимной замкнутости. И всё-таки такой замкнутости автор не избежал. Более всего она свойственна коротким лирическим стихам, написанным в духе раннего Щипачёва, когда из любовных ситуаций извлекается годный на тот или иной жизненный случай афоризм. У Небогатова это: «Очень жаль, что не одной тропой в жизнь вступают мудрость и любовь», «Счастлив я, что ты, моя родная, на одной со мной земле живёшь», «Не знать до старости разлук, оберегать сердца от скуки» и прочее.

Бытовизмом, комнатным мирком «придавлено» поэтическое настроение в стихотворении «Когда ты спишь, мне грустно почему-то...». Влюблённому кажется, что у предмета его симпатии «нет уже дыхания в груди», и он сверлит взглядом обожаемую женщину, и той ничего не остаётся, как прервать отдых и «приоткрыть сонные глаза». Вяло и монотонно передано ощущение разлуки с любимой в стихотворении «О привычке»: «И как мне стало грустно, одиноко, и как тебя сегодня я люблю!», «Хочу, чтоб лучше было всё, иначе, чтоб ссор, обид не знать нам никогда» и т. д. Мало своеобразия в стихах с рефренами «Я помню о тебе» и «Тебя за то благодарю». Последнее невольно ассоциируется с лермонтовским «За всё, за всё тебя благодарю я...» и не оригинально по замыслу.

**«Так мало надо сердцу человека,
Чтоб многое на свете полюбить...»**

Оселком, на котором проверяется лирическое дарование поэта, по праву считается умение слушать, видеть, понимать природу и передавать услышанное, увиденное, осмысленное читателям, умение обращать их в свою «веру». Природа – тот уникальный камертон, который заставляет звучать самые потаённые струны поэтической души.

Художественное дарование автора «Земного поклона» несомненно. Художественное – в прямом смысле этого понятия, то есть в способности живописать словом, давать зримо осязаемую картину времён года, раскрывать «нестареющую, вечную красоту земли родной»... Вот описание грозы. И не просто описание, а восторженная признательность за её яркий, праздничный, поистине «небесный подарок» людям:

Прогромыхала бочками за тучей,
До капли расплескала всё гроза.
И вот пустые,
С неба словно с кручи,
Скатила их куда-то за леса.
А чтобы мир зелёный, бирюзовый,
Был сказочно прекрасен, а не сир,
Широкой, семицветною подковой
На счастье! – увенчала этот мир.

Трава, солнечный луч, деревья, тропка, летний вечер – всё это не отвлечённые понятия, а нечто единое с человеком, живое и трепетное, полное очарования и загадочности. В небогатых пейзажах, этюдах, картинках с натуры улавливаешь задор и непосредственность взрослого ребёнка, которому всё любопытно, до всего хочется дознаться, всё видится будто в первый раз. Вот почему «Ель вековая щукою огромной в синь погружает ветки-плавники», «Дождинки звонкая игла проткнуть попробовала крышу», «А в небе стая журавлиная дни лета клином выбивает».

Дело не столько в образности этих строк, сколько в добром, человеческом заряде всей «природной» лирики Небогатова. Наиболее достойные её образцы могли быть с полным правом адресованы детскому читателю. Поэт далёк от внешнего самоцельного любования природой, она не уводит его от непосредственной жизни, помогает осознать и почувствовать скрытые в повседневности пласты, увидеть ранее не замеченные грани, заставляет задуматься о многом:

Полями ли шагаю,
На лес ли засмотрюсь,
Во всём я замечаю
Задумчивость и грусть.
Томит молчанье стога,
Но нет, не скажет он,
Что думает дорога,
О чём вздыхает клён.
Вдали закат пылает.
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
В его сухом огне.

Вид деревца, грустного, жалкого ранней весной и прекрасного, одетого в яркий изумрудный наряд летом, напоминает поэту судьбу девушки, которая до поры до времени незаметна и вдруг расцветает и удивляет неожиданной красотой. Читатель не пройдёт мимо стихов-раздумий «По весне, когда благоуханно...», «С утра в глазах ребят снежинки», «Спасибо сентябрю», «Стога», «Осенние думы». Неравнозначные по своим поэтическим достоинствам, они свидетельствуют о мастерстве автора и богатстве его духовного мира.

Цикл о природе наиболее удачен и органичен в книжке, придаёт ей аромат и колорит, но и здесь не обошлось без этой злополучной частицы. Рядом с плодами, рождёнными от прямого контакта с природой, в сборник замешался плод под названием «Доброй ночи», появившийся на свет в результате созерцания картин ночи из окна квартиры. Видно, автор был не в духе, и ночные видения настроили его на несвойственный мрачный лад: «Всё кончится. Всё порастёт быльём». И ещё одно замечание. Пейзажи, написанные в разные годы и встретившиеся вместе на страницах «Земного поклона», теснят друг друга. Если с весенней, летней и осенней тематикой обстоит более или менее благополучно, то зима «погоняет» зиму: «Зима светло и без корысти...», «Бесснежье», «Снег выпал», «Зимний бор», «С утра в глазах ребят снежинки», «Капризы зимы» и т. п.

**«Всё должно на этом свете
Лишь своё лицо иметь»**

В чём же она, суть поэзии? Об этом написаны целые трактаты, а ясный, всех устраивающий ответ так и не найден. Может ли называться поэтом тот, кто не пишет стихов? Небогатов, для кого творчество стало делом жизни, всегда близко к сердцу принимал и принимает всё, что касается извечных споров о творческом лице поэта, его задачах, содержании и форме стихов, традициях, учителях... Ещё в 1961 году родилось небольшое стихотворение «Родник поэзии», тяготеющее по жанру к притче и весьма популярно объясняющее коренное сомнение:

Один сказал:

– Опять у нас осадки!

– Ах, что за ливень! – ликовал другой.

Один увидел лужу, воду в кадке,

Другой представил море и прибой.

– Вот грязи будет! – первый чертыхался.

Второй мечтал:

– Теперь садам расцвести!

И под дождём стоял и улыбался...

Не в этом ли поэзия и есть?..

Для второго оппонента и претерпевает автор творческие муки, ему на суд несёт всё, чем богат, что почерпнул из бездонных родников жизни. Читатель, видящий в благодатном ливне предвестника грязи, останется глухим и к поэтическому слову об этом ливне. Благо, что читателей второй «группы» большинство.

Родство душ, единый внутренний настрой – неперемное условие «Рождения песни». Идут «полями и лесами» два человека, их разделяет расстояние, но оба они смотрят на мир «влюблёнными глазами». У одного сложились слова о красоте земной, да не хватает им лёгких крыльев музыки. У другого родилась мелодия, да нет нужных слов.

И, уловив минуту дорогую,

Одна душа слышала другую –

Как глубока их родственная связь!

Словам дано привольное звучанье,

А смутным звукам – точное названье.

Поют.

Ты слышишь?

Песня родилась!

«Рождение песни» – одно из программных стихотворений Небогатова на тему о творцах и творчестве как таковом, не зря в книжке отведена ему почётная роль открывателя литературного цикла.

Схематично, в общих чертах поэтическое кредо нашего автора можно свести к следующему. Пиши и о сложном просто. Будь самим собой, не гонись за модой, не фокусничай. Уважай и свой труд, и читателя с

неизбалованным вкусом. Пусть твоё слово будет искренним, непосредственным, задушевым:

Увы, у многих нет родства
Иль дружбы с простотой природной,
Не с той, что хуже воровства,
А с той – высокой, благородной.

Михаил Небогатов со свойственной ему скромностью и откровенностью признаётся: «В искусстве я сам доньше ученик». А учится он главным образом у классика советской поэзии Александра Твардовского. Характер этой учёбы представляется нам несколько односторонним, внешним. В отличие от учителя, поэзии его последователя недостаёт эпохальности, глобальности мышления, глубинных обобщений и примет времени.

Да и с чисто технической стороны творчества ритмика учителя при всей кажущейся простоте современна, гибка, изящна. Ученик же упорно держится за когда-то полюбившиеся ему ритмические «колодки», в которые зачастую не укладывается разноголосое бурное содержание сегодняшнего дня. Так, интересная мысль о значимости творческих находок для будущего читателя приглушена частушечно-«приплясывающей» формой её выражения:

По капельке-словечку
Скоплю я свой ручей.
Журчи, вливайся в речку,
Чей путь – в простор морей.

Современный молодой читатель (не гурман от поэзии, не верхогляд, а эрудит и человек с развитым вкусом, мыслящий) вправе упрекнуть автора в наивности и простоватости некоторых его вещей.

Рост поэта от книжки к книжке бесспорен, но и читатель не стоит на месте. Всё труднее становится «на этом свете... своё лицо иметь». Понимая это, вдумчивый лирик Небогатов, как и четверть века назад, мучительно ищет в поэзии всё то же – «где видимость, где суть».